

**ВЛАДИМИР
ПЕТРОВ**

Op84

П30

A-410883

12+

**Урал-
БАТЮШКА**

Долгая зима

ПОВЕСТИ

ДОЛГАЯ ЗИМА

1

Дарья Григорьевна откинула запорный крючок двери и вышла во двор. В холодном светлеющем небе дотлевали последние звёзды. Улицей, негромко переговариваясь, прошли к ферме доярки. Лениво забрежали на них набежавшие соседские собаки. На пустыре за проулком, ведущим к водонапорной башне, прогревая к запуску остывший за длинную декабрьскую ночь дизель, застрекотал тракторный пускач.

Прислушиваясь к привычным звукам пробудившейся, дымящей печными трубами деревни, Дарья Григорьевна дождалась, пока посветлеет, по зимнему, надёжно лёгшему снегу захрустела подшитыми валенками к сараям. Почистила навоз в загородке под навесом, перетрясла подстилочную солому, добавила свежей. Оставшийся в коровьей кормушке корм перекинула через низкий заборчик в маленький под открытым небом закуток для овец, взамен принесла увесистый навильник лугового сена, сверху люцерну бросила.

— Не одобряю, — сказала она корове, выпущенной из тёплого хлева, с ходу зарывшейся в сено до низа кормушки. — Луговое, конечно, мягче и вкуснее люцернового. Только маловато его. Не смогла без хозяина вволю заготовить. Зять накопил немного по речке, да у соседей стожок на топлёное масло выменяла — вот и всё... Так что, Зорька, не обижайся и люцерновым сеном не брезгуй. С него и надо бы тебе свой завтрак начать, а луговое напоследок, на сладкое оставить.

Дарья Григорьевна и прежде разговаривала с животными. Теперь же привычка переросла в необходимость. Оставшись без мужа, она находила в этом тихую отраду и успокоение. Выпустила и овечек. В отличие от коровы они, по природе своей боязливые ко всему, стеснились

ВЛАДИМИР ПЕТРОВ

на выходе, напугали друг дружку и ринулись в закуток, в узких дверях застопорились. Зазевавшийся ягнёнок бросился следом, наткнулся на них, попробовал проскочить в пролом заборчика и застрял.

— Куда, бестолковенький! — вытащила, на руки взяла его Дарья Григорьевна, поцеловала в симпатичную мордашку, чёрными кудряшками поиграла. — Ишь какие кручёные, чисто кудри Васи моего. Не случайно Кудряшом кликали, царствие ему небесное... Беги, чего уж...

Ягнёнок радостно подбежал к матери, заблеявшей, заволновавшейся уже за него, подлез к соскам подкормиться, от удовольствия задёргался весь, хвостиком куцым заиграл. Насосавшись, стал прогуливаться по закутку, прытко скакнул раз-другой, наскочил нечаянно на круторогого барана, ответно боднувшего чувствительно.

— Я тебе! — крикнула Дарья Григорьевна, любовавшаяся развеселившимся ягнёнком. — Зачем маленького обижаешь?

Овцы перестали щипать листики люцерны, уставились на хозяйку. Зорька тоже оглянулась на окрик, продолжая при этом тщательно и аппетитно пережёвывать сено. Даже куры кончили рыться в навозной куче.

— Ишь, хулиган какой! Правильно решила, оказывается, первым тебя под нож пустить. Заслужил!

Дарья Григорьевна готовилась к годовым поминам мужа.

— Водку и колбасу дочка с зятем привезут из города, — рассуждала она. — Остальное есть. Осталось барашка лишь на мясо пустить. Хватит ли?

По её подсчётам получалось, что должно хватить. Но в то же время опасалась она: возможно, на этот раз людей больше придёт, чем на полгода, когда многие на сенокосе были.

— Одним барашком, пожалуй, не обойтись, — решила всё же подстраховаться она. — Овцу ещё яловую придётся резать.

Выкатившееся солнце и полное безветрие обещали погожий день.

— Не буду откладывать. Всего ничего осталось... Кого бы попросить резать?

Обычно с этой просьбой многие обращались к соседу, зятю племяннику, несмотря на свою молодость, до тонкостей освоившему процесс закалывания, резания и обработки любой живности. Сходила

понапрасну — тот, оказывается, в последние дни с утра до позднего вечера пропадает в колхозных мастерских, трактором занимается.

— Дойду до свата, — определилась Дарья Григорьевна. — Кроме него — некому. На работе все.

Она вышла на улицу, встретила с прихрамывающим сильно, заметно сдавшим к зиме, но для своих восьмидесяти лет довольно ещё бодрым Фролом.

— А я до тебя, Даша, — сказал он, развернул свёрток. — Не прострочишь наволочку? Распоролась вся, понимаешь. А новую не вижу смысла доставать из сундука. Ещё и эта хоть куда... Подшить только малость. Сделаешь?

— Отчего же не сделать. Нехитрое дело, минутное. Пойдёмте.

— Собралась куда?

— К свату.

— А он в район на рейсовом автобусе уехал... В больницу. Глаза поправить хочет.

— Жалко... Овечек надумала вот резать. В самый раз погодка. Ну, да ладно. На завтра оставлю. Не завьюжит, поди.

Они зашли в избу. Дарья Григорьевна придвинула ближе к тёплой, недавно протопленной печке табуретку:

— Садитесь, дядя Фрол. Сейчас я, быстренько...

— Да что мне сидеть-то без толку. Дай-ка, Даша, нож да брусок наждачный. Справимся, чай, вдвоём с барашком.

— Не тяжело будет ноге?

— Ничего... Что ей сделается?

Пока Дарья Григорьевна возилась со швейной машинкой, Фрол наточил приглянувшийся нож, в валенок сунул:

— Ну, я готов.

Вдвоём вытащили они из потревоженного закутка упирающегося годовалого барана, завалили на чистый снег. Дарья Григорьевна, придерживая за рожки баранью голову, отвернулась, чтобы не видеть, как Фрол острым лезвием полоснёт по горлу. Жалко ей барана, на её глазах вырос... А Фролу хоть бы что. Спокойно выпустил кровь, не поморщился даже. С помощью Дарьи Григорьевны подвесил он барана на торчащую железную трубу навеса, свежевать начал. Нечаянно продырявил шкурку при снятии, огорчился сильно:

ВЛАДИМИР ПЕТРОВ

— Подпортил всё же, недотёпа! Не те руки стали. Эх, не те...

— Не переживайте, — успокоила его Дарья Григорьевна. — Незаметный почти порез.

— Берут годы своё-то...

— Вам, дядя Фрол, позавидовать можно. Я в дочки вам гожусь, а скриплю уже вовсю. То давление шибанёт, то ещё что... А Вася мой так совсем... До пенсии годочка не дотянул. Куда годится?

— Да, рано слишком он ушёл...

За разговорами потихонечку и с делом справились. Обработанное мясо в сенцы занесли. Шкурку Дарья Григорьевна не знала, куда деть, Фролу предложила:

— Не возьмёте себе?

— На кой она мне. Свату своему отнеси. Он умеет их выделывать, — отказался Фрол, подставил руки под струю воды, нагретой электрокипятильником в большом ведре, вытерся чистым вафельным полотенцем. — Схожу в медпункт на прогрев. Не припозднюсь если, овечку тоже сегодня же обработаем.

— Не к спеху овечка. Успеется. А до медпункта давайте перекусим. Сейчас мясца свеженького быстренько нажарю.

— Не беспокойся за меня, Даша. Дома навалом еды. Готовил ут-ром. Не пропадать же добру?

Дарья Григорьевна отдала ему простроченную наволочку, до ка-литки проводила:

— Спасибо, дядя Фрол.

— Ладно, чего там... Друг дружке помогать надо. Иначе как же?

— Правильно говорите, — согласилась она.

Не передохнув, мясом занялась. Увязала куски толстой алюми-ниевой проволокой, развесила в холодных сенцах, чтобы кошки не достали.

К тому времени солнце половину своего дневного пути одо-лело.

«Пообедать пора бы», — подумала Дарья Григорьевна, но есть ей не хотелось, решила ещё немного повозиться на свежем воздухе, аппетит нагнать. Натаскала воды из уличной колонки, напоила ско-тину. Огляделась. Взгляд её упал на припорошенную снегом горку топочного угля.

— Перенесу-ка его ближе к сараям, чтобы вид двора не портил, — нашла она себе новое занятие, обрадовалась: в работе незаметно проходило время и меньше думалось об одиночестве.

Стала возить уголь на санках в непригодных для воды прохудившихся вёдрах. Быстро выдохлась.

«Чего это я?» — удивилась она, насыпала совковой лопатой очередные четыре ведра угля, с трудом сдвинула неожиданно потяжелевшие донельзя санки. Потемнело в глазах. Стало исчезать солнце.

«Затмение, что ли? Но ведь куры гуляют себе и, как в прошлый раз, когда солнце закрылось, не бегут в сарай, посчитав, что ночь внезапно наступила», — успела подумать она, прежде чем потерять сознание, и медленно повалилась на потемневший от угольной пыли снег.

2

Не шибко морозный, украшенный порхающими снежинками вечер был настолько хорош, что Виктор Ярцев на две остановки раньше вышел из автобуса, чтобы пройтись, отойти немного от своей заводской беспокойной работы.

Как бы удачно ни складывался рабочий день, обязательно находилась пресловутая ложечка дёгтя, портящая бочку мёда. Вот и сегодня уже в конце смены маневровый тепловоз столкнулся с другим, подготовленным к отправке заказчику после заводского ремонта. В итоге — сход маневрового с рельсов, серьёзные повреждения на отремонтированном, срывы манёвров... И всё это за считанные недели до конца года, когда каждый день на счету. Пусть с недавних пор и не возглавляет он тепловозное производство — поменялся креслами с коллегой по изготовлению запасных частей, — всё же обидно за такое...

Неспешно шагал он мимо броских витрин и вывесок закончивших продажу магазинов, мимо церкви, приятно неожиданной среди новеньких девяти- и шестнадцатипятиэтажных домов, на самой престижной улице, отдалённой от промышленных районов города.

Далековато было ездить на работу, но он не жалел об этом и отказался от предложенного начальством выгодного, с расширением площади, обмена квартиры на другую, в заводском городке. Даль-

няя дорога сполна компенсировалась близостью к природе. Из окон его квартиры хорошо просматривалась пойма Урала. Сейчас она белела снегами. Весной же наполнялась буйной водой пробуждённой от зимней спячки реки, вплотную подступающей в половодье к городу. Долго плескалось пойменное море, привычным становилось для глаз, и жаль было расставаться с ним, когда отбуянившая река постепенно возвращалась в своё русло, оставляя на память о себе в углублениях небольшие озёрца, не высыхающие даже жарким летом.

Припозднился сегодня Ярцев. Старый Устиныч, обычно допоздна прогуливающийся у подъезда, успел уже укатить на лифте на свой последний, девятый этаж, как говаривал он, ближе к Богу.

Прогулка по бодрящему морозцу и выработанная с годами привычка при входе в свою квартиру оставлять за порогом все производственные неурядицы сделали доброе дело. Он радостно вошёл, быстренько переоделся, послушал сына, студента музыкального училища, разучивающего на баяне «Полёт шмеля», прошёл на кухню, чмокнул в шею колдующую у газовой плиты жену, погладил её чуть округлившийся живот:

— Как наш себя чувствует?

— Холоднющий какой! Застудишь, — отстранилась она от мужа, стала накрывать стол.

— Закалочка не помешает ему, мамусенька, — сказал он, сделав ударение на третьем слове. — В консультацию ходила?

— Была. Со дня на день профессора отличного ждут, хотят показать меня. Страхуются. Наверное, не всё ладно со мной?

— Не волнуйся. Всё наилучшим образом сложится, — обнял он жену. — Подаришь мне скоро второго Викторovichа, продолжателя славного рода Ярцевых.

Хорошее настроение мужа передалось и Валентине:

— А вот возьму и девочкой награжу. Мне же помощница нужна. Не возражаешь?

— Нет, конечно, но лучше бы...

Он не договорил. Резко зазвонили в дверь.

— Ты ешь, — поднялась Валентина. — Пойду открою. Это соседка, наверное. Обещалась зайти поболтать.

Вернулась она заплаканная.

ПОВЕСТИ

— Что случилось? — встревожился он.

— С мамой плохо. — Она протянула ему телеграмму. — Не успели отца схоронить, как новая напасть.

«Срочно выезжайте. Мать в тяжёлом состоянии. Маришкины», — прочитал он, стал утирать ладошкой слёзы жены.

— Успокойся. Тебе же нельзя волноваться. Может, ничего страшного. Я поеду, разберусь.

Он глянул на часы:

— Пожалуй, успею на восемьдесят пятый. Собери мне сумку.

— Я тоже еду.

— Нет, — твёрдо сказал Виктор. — Тебе к профессору на днях. Это же очень важно... Думаю, и с матерью всё обойдётся. В случае чего немедленно вызову. Годится?

Он созвонился со своим начальником и скоро трясся уже в плацкартном вагоне ночного поезда, чтобы через пять часов сойти с него на пробуждающейся станции и первым маршрутным автобусом отправиться до тёщи.

3

Супруги Ярцевы были родом из одной деревни — Ромашкино. Даже жили неподалёку. Однако до своей шестнадцатой весны Виктор как-то не знался с Валентиной, хотя с её подругами общался с детских лет.

Валя, единственная дочь в семье, росла под строгим приглядом матери. Очень к тому же ещё робкая, она больше находилась дома, редко с девчонками хороводила, не говоря уже о дружбе с мальчишками. Но к четырнадцати годам неожиданно так расцвела, что на Пасху, увидев её в кругу подружек, бойкий Витя Ярцев оробел перед кареглазой кудрявой красавицей, влюбился в неё, как говорится, с первого взгляда и навсегда. К счастью, он тоже глянулся Вале. Вскоре она позволила ему проводить её после вечернего сеанса от клуба домой, до калитки, которую сейчас, двадцать с лишним лет спустя, открыл он, приехав по срочной телеграмме.

На двери тёщиной избы висел замок. Виктор прошёлся по двору, почти угадал, что между санками с углём и телеграммой самая прямая связь:

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

ДОЛГАЯ ЗИМА.....	3
ЦВЕТНОЙ ВИРУС.....	95
КРАСНЫЕ ПЕТУХИ.....	134
Глава первая	
БЕЛЫЙ ДЕНЬ.....	134
Глава вторая	
ВАЛЕНКИ.....	141
Глава третья	
ПОКУРИЛ.....	147
Глава четвёртая	
ДЕНЬГИ НА ШАХМАТЫ.....	155
Глава пятая	
КРАСНЫЕ ПЕТУХИ.....	160
Глава шестая	
ГРИГОРЬЕВСКАЯ КЕПКА.....	166
Глава седьмая	
БОГАТЫРЬ.....	170
Глава восьмая	
ЛИМОНАД.....	188
Глава девятая	
АТОМНЫЕ ЖЁЛУДИ.....	195
МИЛИНЫ КАНИКУЛЫ.....	205
Глава первая	
ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ.....	205
Глава вторая	
ТЯСОГУЗКИ.....	218

Глава третья	
СТАКАН ПАРНОГО МОЛОКА	226
Глава четвёртая	
РЕПИС-ЯГОДА	234
Глава пятая	
«ОТЪЕЗДНОЙ» ТОРТ	241
ВЫЖИТЬ, ЧТОБЫ ЖИТЬ!	252

РАССКАЗЫ

ПРЕМИАЛЬНЫЙ САТИН	277
СДЕЛКА	279
К БРАТУ	282
ПОЛОНЕЗ ОГИНСКОГО	287
ШУРИК	301
ВИШНЁВЫЙ БУКЕТ	309
ОБРУЧАЛЬНОЕ КОЛЬЦО	313
ИМЕННЫЕ ЧАСЫ	316
НАЙДЁНЫШ	323
ИЗБА	331
ВЕЧЕРИНКА	337
ОЖИДАНИЕ СЫНА	343
АЛЛЕРГИЯ	352
ВСТРЕЧА	358
НЕ ПРОЩУ!	367
РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ	374
БЕЗЫМЯННЫЕ КРЕСТЫ	381
ИЛЬМЕНЬ-РЕЧКА	385
ТЁПЛОЕ МЕСТО	417
ВАСЯ-ВАСИЛИСКА	422
БАБЬЯ УЛИЦА	434
ГРАВИЙ	460

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать, обратившись в отдел краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20.